

Четвертое направление турецко-израильской конфронтации

Комментарий Центра АРВАК, 12.09.2026

Аннотация

Центр АРВАК анализирует динамику турецко-израильского противостояния на основе исследования израильского издания *Globes*. Помимо трех признанных зон риска – Сирии, Восточного Средиземноморья и Африканского Рога, рассматривается ключевое, но часто игнорируемое «четвертое направление» – Южный Кавказ. В исследовании обосновывается, что азербайджано-израильское партнерство исчерпало свой потенциал в связи с окончательным смещением Баку в турецкую орбиту. В этих условиях Тель-Авив и международное еврейское лобби могут пересмотреть свою стратегию и начать выстраивать взаимодействие с Ереваном, используя контроль над транспортным коридором TRIPP и механизмы «Авраамических соглашений» для сдерживания геополитических амбиций Анкары.

Ключевые слова: Турция, Израиль, турецко-израильская конфронтация, Южный Кавказ, Азербайджан, Армения, проект TRIPP, Сомалиленд, Авраамические соглашения, Геноцид армян, Центр АРВАК.

1. Три традиционных фронта турецко-израильской эскалации

В недавнем аналитическом исследовании одного из ведущих израильских изданий – медиаплатформы *Globes*, посвященном комплексному анализу динамики турецко-израильских отношений, аргументируется тезис о неизбежности прямого военного столкновения между двумя государствами.

В рамках указанного прогноза особое внимание привлекает то обстоятельство, что издание *Globes* не обуславливает растущую конфронтацию импульсивными действиями Биньямина Нетаньяху и возглавляемого им ультрарадикального кабинета. В отличие от ряда других исследовательских структур, данная аналитическая платформа не связывает динамику эскалации между Тель-Авивом и Анкарой с внутривосточной конъюнктурой в Израиле и Турции, предстоящими избирательными кампаниями или эксцентричностью государственных лидеров, нередко использующих популистскую риторику и взаимные угрозы. Таким образом, *Globes* четко разграничивает объективные предпосылки военно-политической эскалации и субъективные факторы, способные выступать лишь в качестве факультативных детерминант, но не определяющих условий развития событий. Из этого следует, что межгосударственный конфликт носит объективно неизбежный характер и будет последовательно приближаться к своей кульминации независимо от состава правительств в Анкаре и Тель-Авиве, а также от складывающейся в обеих странах внутривосточной ситуации.

Согласно выводам израильских экспертов, эскалация между Израилем и Турцией разворачивается одновременно на трех ключевых направлениях, причем на одном из них вероятность прямого вооруженного конфликта достигла критической отметки.

Первостепенным очагом напряженности выступает сирийский театр, где Анкара наращивает военное присутствие и планомерно продвигает дислокацию своих баз, передовых постов, комплексов наблюдения и средств ПВО к израильским рубежам. В ответ Тель-Авив предпринимает превентивные шаги с целью блокирования этой экспансии; наглядным примером служит авиаудар ВВС Израиля по сирийской авиабазе Абу-эль-Духур в провинции Идлиб, нанесенный в августе 2026 года. Вероятность

перерастания ситуации в Сирии в полномасштабную и неуправляемую эскалацию остается чрезвычайно высокой.

Восточное Средиземноморье представляет собой **вторую** зону высокого риска, где очаги напряженности охватывают не только вопросы безопасности, но и крупные энергосырьевые, а также инфраструктурные инициативы. В данном регионе Израиль рискует войти в прямое противостояние с Турцией. Это обусловлено как двусторонними разногласиями с Анкарой относительно баланса сил в Левантийском море и прав на освоение газоносного шельфа, так и намерением Тель-Авива выступить в защиту Греции – своего стратегического партнера, сталкивающегося с усилением давления со стороны Турции в акватории Эгейского моря и вокруг Кипра.

Наконец, эскалация напряженности одновременно охватывает акваторию Красного моря и зону Африканского Рога, где Анкара и Тель-Авив открыто заявляют о стремлении установить военный контроль над ключевыми международными торгово-энергетическими артериями. Турция утвердила Сомали в качестве базового оплота своего продвижения на континенте: в Могадишо размещен крупнейший зарубежный военный объект страны, насчитывающий 800 военнослужащих, а также оснащенный бронетехникой, истребительной и вертолетной авиацией и беспилотными комплексами. В противоположность этому Израиль в декабре 2025 года официально признал суверенитет самопровозглашенного Сомалиленда, где уже разворачивает масштабные инвестиции в инфраструктуру, энергетику и опреснение воды. Хотя официально военное присутствие Израиля в Сомалиленде не подтверждено, аналитики указывают на неизбежность развертывания там израильского опорного пункта для балансирования турецкой военной инфраструктуры в регионе.

Следовательно, пересечение интересов Анкары и Тель-Авива формирует три ключевых вектора противостояния: в Сирии нарастает прямое военное соперничество, на побережье Красного моря происходит раздел сфер влияния, а в акватории Средиземного моря столкновение затрагивает энергетические ресурсы, инфраструктурные артерии и морские границы. Именно эти три зоны эксперты из Израиля квалифицируют как триггеры возможного военного конфликта. В то же время примечательно полное игнорирование **четвертого** стратегического региона, баланс сил в котором играет не менее существенную роль в турецко-израильской дилемме. Хотя риск прямого столкновения армий в этом ареале минимален в силу объективных факторов, политический проигрыш одного из участников в борьбе за влияние на этой территории способен принципиально перекроить всю систему сдержек и противовесов в противостоянии двух региональных лидеров.

2. Южный Кавказ как «четвертое направление» конфронтации

Данный четвертый вектор охватывает Южный Кавказ и, в особенности, Азербайджан, за доминирование над которым Анкара и Тель-Авив ведут завуалированную, но чрезвычайно жесткую дипломатическую и политическую борьбу. Благодаря своему стратегическому положению на стыке важнейших транспортных артерий, энергокоридоров и маршрутов проецирования военной мощи Баку занимает центральное

место в планах обеих держав по формированию собственных систем безопасности и обеспечению лидерства в регионе.

В стратегических расчетах Турции близкий по этнокультурным корням Азербайджан естественным образом выступает в качестве ключевого плацдарма и «ворот» в Центральноазиатский регион. Именно там Анкара рассчитывает создать интеграционную платформу «Туран», в которой Р. Т. Эрдогану и его политической команде видится потенциал для трансформации во влиятельный мировой центр силы. На текущей стадии реализации этой концепции союзный Азербайджан уже используется Турцией как важный рычаг воздействия на Тегеран и Москву, чьи интересы способны помешать масштабным геополитическим устремлениям Анкары.

До недавнего времени Азербайджан для Тель-Авива представлял важность прежде всего в контексте ирано-израильского противостояния – как военный плацдарм для операций против Тегерана и как институциональная площадка для генерации и проецирования этнического сепаратизма в Исламскую Республику. В экспертном сообществе было также принято считать, что Израиль был весьма заинтересован в поставках азербайджанских энергоресурсов, однако, скорее, фактор импорта каспийской нефти рассматривался Тель-Авивом не в качестве одной из целей углубления связей с Баку, а, напротив, как одно из средств привязки Азербайджана к геостратегическим программам еврейского государства. Израиль всегда придерживается политики диверсификации нефтяных поставок и сохраняет возможность выбора альтернативных предложений. Тем самым нефть – важный фактор израильско-азербайджанских отношений, но не главный для Тель-Авива.

3. Исчерпание потенциала азербайджано-израильского альянса

Тем не менее в последний период эта значимость Баку для Тель-Авивакратно возросла ввиду нарастающего турецко-израильского противостояния. Израильские стратеги понимают, что особые турецко-азербайджанские отношения, несмотря на интенсивное взаимодействие Тель-Авива с алиевским режимом в последние годы, превратились в весомый актив Анкары в регионе. На определенном этапе они в состоянии практически полностью нивелировать накопленное израильское влияние на Баку, достигнутое посредством бизнес-связей, военных поставок, технологического взаимодействия, диаспорских отношений и прочих элементов глубокого сотрудничества. Инвентаризация всех элементов и степени воздействия Анкары и Тель-Авива на Азербайджан позволяет израильтянам заключить, что Баку, оказавшись перед вопросом стратегического выбора, будет вынужден отказаться от израильского вектора, несовместимого, как прежде, с турецким курсом, который подкреплён более внушительным массивом интересов и взаимных обязательств. В данном контексте ключевым детерминантом выступают не столько внутривнутриполитические приоритеты азербайджанского руководства или позиции правящих кругов, сколько факторы объективного порядка. В общественном восприятии Азербайджана Турция безоговорочно воспринимается как братское государство; кроме того, ее прямое участие сыграло решающую роль в силовом решении проблемы Нагорного Карабаха. Анкара осуществила глубокую модернизацию и фактически взяла под контроль вооруженные силы Азербайджана, одновременно форсируя свое экономическое и идеологическое присутствие в республике. Наряду с этим турецкая

сторона декларирует готовность переформатировать тюркский ареал на Южном Кавказе и в Иране, предоставляя Баку гарантии безопасности от внешних угроз. Наконец, используя кризис вокруг Газы и Ливана, турецкая пропаганда умело задействует религиозный фактор, системно формируя в азербайджанском обществе антиизраильские векторы настроений.

Соответствующий сигнал из Баку о важности турецкого вектора уже поступил Тель-Авиву после голосования в кабинете министров Биньямина Нетаньяху по вопросу признания Геноцида армян в Османской империи. Азербайджанское руководство прозрачно намекнуло Тель-Авиву, что решение о вынесении этого вопроса на рассмотрение Кнессета может стать точкой невозврата в азербайджано-израильских отношениях, несмотря на прежние *«союзнические отношения»* и солидарность, неоднократно демонстрировавшуюся обоими государствами в сложных геополитических перипетиях региона в последние десятилетия. В Израиле восприняли это откровенное послание более болезненно, чем турецкие угрозы, и отказались от дальнейшего продвижения повестки признания Геноцида армян. Вопрос был снят с повестки. Ряд политиков и экспертов в Израиле впоследствии посчитали инициативу признания Геноцида неудачной попыткой геополитической комбинации против Турции. Параллельно в экспертной среде звучали и альтернативные оценки ситуации. С одной стороны, попытка давления на Анкару через тему Геноцида армян не принесла Израилу желаемого результата. С другой стороны, эта инициатива наглядно продемонстрировала Тель-Авиву предел возможностей азербайджано-израильского партнерства. В новых геополитических реалиях Баку уже не способен выполнять роль надежного союзника Израиля, как не может выступать и нейтральным арбитром, способным предотвратить неизбежную эскалацию между Турцией и еврейским государством.

Таким образом, азербайджанский фактор окончательно утратил потенциал быть сдерживающим или уравнивающим элементом в турецко-израильской дилемме. В этой связи отступление Тель-Авива от процесса признания Геноцида под давлением Баку следует трактовать не как стратегическое поражение, а как временный тактический маневр. Напряженность между Азербайджаном и Израилем уже стала очевидным фактом, и, несмотря на попытки обеих сторон сгладить углы, можно предположить, что данный фактор уже заставляет еврейское государство глубоко пересматривать свою стратегическую линию на Южном Кавказе.

4. «Армянский вектор» и проект TRIPP в геополитической комбинации Тель-Авива

Прежний потенциал углубления контактов и накопленные рычаги воздействия окончательно себя исчерпали: их уже недостаточно даже для того, чтобы зафиксировать Баку в нейтральном статусе относительно турецко-израильского клинча. В этих условиях Тель-Авив вынужден задействовать нетривиальную стратегию наращивания давления на алиевскую администрацию – через налаживание связей с Ереваном и интеграцию в проект TRIPP, имеющий принципиальное значение для прочности союза Анкары и Баку, а также для реализации долгосрочных центральноазиатских амбиций Турции. Динамика событий последних двух месяцев четко показывает: Израиль вместе с аффилированными с ним еврейскими лоббистскими и диаспоральными кругами в США предпринимает

активные попытки использовать «армянский вектор». Цель этой комбинации – затормозить смещение Азербайджана в турецкую орбиту и взять под контроль действия Анкары на Южном Кавказе.

В частности, 15 июля 2026 года появились сведения о том, что Госдепартамент США вверил руководство финансовым фондом *TRIPP+* венчурному инвестору Константину Соколову (этническому еврею), тем самым фактически передав под контроль его структур реализацию проекта транспортного коридора через армянский Сюник. Позднее, 5 августа, Ереван посетил Арье Лайтстоун – также этнический еврей и помощник спецпосланника президента США Стива Уиткоффа, известный как один из ключевых архитекторов «Авраамических соглашений», направленных на формирование нового регионального альянса союзников Израиля. Уже 14 августа премьер-министр Армении Никол Пашинян выступил на брифинге с интригующим заявлением, отметив, что помимо интеграции с ЕАЭС и ЕС у Еревана может существовать и *«третий вариант внешнеполитического вектора»*, что спровоцировало волну дискуссий и предположений в экспертном и общественном поле. Впоследствии, 21 августа, по решению Н. Пашиняна должность заместителя главы МИД РА заняла Ани Аветисян – выпускница факультета востоковедения ЕГУ без опыта дипломатической службы, чей профессиональный профиль включает изучение иврита и культурно-исторического достояния Израиля. Наконец, 6 сентября армянское внешнеполитическое ведомство объявило, что тема признания Сомалиленда отсутствует в текущей внешнеполитической повестке страны. Данное разъяснение, по всей видимости, стало реакцией на июльскую публикацию американского эксперта Майкла Рубина (*«Armenia Should Recognize Somaliland»*), рекомендующего Еревану признать суверенитет Сомалиленда ради сближения с Израилем и стимулирования Тель-Авива к пересмотру партнерства с Азербайджаном. Указав на отсутствие данного вопроса в актуальной повестке, МИД Армении, однако, воздержался от утверждения, что Ереван принципиально исключает возможность признания отделения региона от Могадишо в будущем.

В результате создается впечатление, что между Тель-Авивом, Вашингтоном и Ереваном проходят негласные консультации. На их основе предпринимаются практические шаги по построению формата плотного армяно-израильского взаимодействия с потенциалом его преобразования в полноценный институциональный союз. По оценкам экспертов, в данном контексте предполагается возможность присоединения к «Авраамическим соглашениям», от участия в которых Баку ранее уклонился под влиянием Анкары. Не исключено, что проект *TRIPP* в этой новой конфигурации отношений рассматривается в качестве ключевого гарантийного ресурса, находящегося под контролем еврейско-израильской геополитической группы.

Хотя данный сценарий остается гипотетическим, логика происходящего указывает на то, что подобные консультации не только велись, но и могут продолжаться в настоящее время. В результате жесткого пересмотра со стороны Анкары прежнего баланса взаимовыгодных интересов Тель-Авив и международное еврейское лобби утратили возможность оказывать внутреннее воздействие на Баку. В этих обстоятельствах закрепление на армянском направлении и установление контроля над *TRIPP* способны предоставить Израилю эффективный рычаг для срыва турецких замыслов и

нейтрализации азербайджанского фактора в рамках двустороннего противостояния с Анкарой. В случае успешной реализации «армянской стратегии» перед Тель-Авивом откроются две принципиальные альтернативы: использовать рычаги управления TRIPP для изоляции Турции от Каспия и Центральной Азии, заблокировав ей доступ к ресурсам и геополитическим возможностям, необходимым для продвижения на Ближнем Востоке; или же, наоборот, перенаправить экспансионистский потенциал и «избыточные ресурсы» Анкары на реализацию проекта «Туран», расчистив тем самым геополитическое поле для утверждения израильского влияния в Передней Азии.